

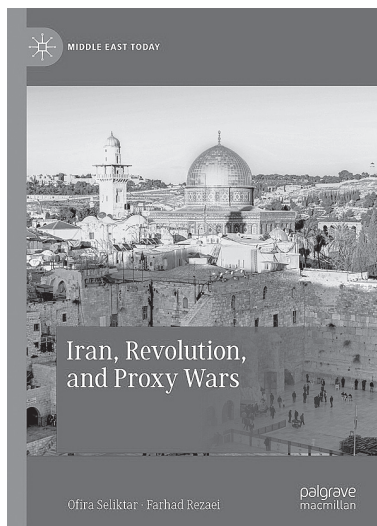
Рецензии

Война чужими руками

Iran, Revolution, and Proxy Wars

OFIRA SELIKTAR, FARHAD REZAEI

Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – XI, 245 p.

Исламская Республика Иран, на протяжении многих лет находящаяся в активной оппозиции ко многим мировым и региональным политическим акторам, исследована, казалось бы, вдоль и поперек. Тем не менее белых пятен еще немало; к их числу с полным основанием можно отнести искусство ведения прокси-войн, в котором иранцы заметно преуспели и которое помогает им удерживать и расширять сферы своего влияния в регионе. В рецензируемой книге в особенностях этого важного феномена разбираются два специалиста, давно осваивающих иранскую проблематику: Офира Селиктар, ныне профессор политологии в Грац-колледже (Филадельфия, США) – она специализируется на разведывательных службах Ближнего Востока –

и Фархад Резаи, который сотрудничает с Центром исследований международной политики (Оттава, Канада) и занимается внешними отношениями и ядерной программой Ирана. Каждый из соавторов имеет в послужном академическом списке несколько книг, так или иначе затрагивающих современный Иран.

В тематической серии «Middle East Today», где вышла эта книга, уже не раз поднималась тема соперничества региональных лидеров – Саудовской Аравии, Турции и Ирана. Эти страны амбициозно стремятся скорректировать сложившийся в регионе *status quo* в свою пользу. При этом у каждой из них – помимо союзников в лице других государств – есть еще и дружественные негосударственные сподвижники. Политическая практика и даже само существование таких группировок, как ХАМАС, «Хизбалла» или «Братья-мусульмане», в некоторых ситуациях бросают прямой и серьезный вызов даже самым могущественным ближневосточным государствам. Какая роль отводится подобным формированиям, как они функционируют, до какой степени они самостоятельны, насколько разрушительны – или созидательны – роли, которые они играют? В «Iran, Revolution, and Proxy Wars» поднимаются все перечисленные вопросы – применительно прежде всего к Ирану и ориентирующимся на него политическим силам.

Из самого названия книги следует, что предметом авторского интереса выступает не столько распространение иранского влияния в регионе, сколько конкретный инструмент этого влияния – прокси-войны (*proxy wars*). Согласно определению, которое в 1964 году дал Карл Дойч, подобная война представляет собой вооруженный

конфликт двух стран, ведущийся на территории третьей страны под предлогом решения некоего внутреннего конфликта. Прокси-войны принято считать элементами гибридных войн (*hybrid war*), включающих в себя информационное и экономическое противостояние; прокси-война есть вооруженная составляющая более масштабных и разноплановых процессов. После исламской революции 1979 года Иран создал собственную систему прокси-политики, реализуемой по широкому спектру направлений. Главы этой книги посвящены как уже запущенным обособленным проектам Ирана («Хизбалла», ХАМАС, «Палестинский исламский джихад», иранские контакты с «Аль-Каидой»), так и еще только выстраиваемой системе иранских прокси в Ираке, Сирии и странах Персидского залива.

Открывая исследование, авторы пытаются выявить истоки прокси-политики в самом фундаменте нового государства: в шиитском исламе и комплексе его воззрений на политическую власть. Традиционный шиизм, как отмечается в самом начале повествования, почти не касается вопросов управления обществом; его скорее отличает готовность принимать вещи такими, каковы они есть, – без попыток противостоять их ходу или менять сложившуюся ситуацию. Как утверждает шиитский канон, до тех пор, пока не появится двенадцатый имам, мусульманам следует смиряться с угнетающим их правлением (р. 1–2). Конечно, наличие подобной установки немедленно влечет за собой принципиальный вопрос: почему же при такой идеологической «кротости» в шиитских обществах иногда происходят не только народные выступления, но и смены политических режимов? Обращаясь к этой теме, авторы посвящают вводную главу предпосылкам исламской революции 1979 года. Новый режим, установившийся после свержения шаха, они называют дуальным: в авторской оптике исламская республика предстает не

обычной страной, но «экспортером революции». Причем между полюсами государственности и революционности наблюдается неослабевающая напряженность.

Еще до прихода к власти аятолла Хомейни сформулировал свое политическое мировоззрение в цикле лекций под названием «Исламское государство» (в 1970 году они вышли в Бейруте отдельной книгой). Именно там в систематическом виде была представлена идея о том, что правильный политический порядок, который надлежит поддерживать в мусульманских обществах до возвращения скрытого имама, должен базироваться на правлении достойных исламских богословов – *вилайат аль-факих*. Впоследствии воплощение этого концепта в жизнь было дополнено демократическим антуражем, позволяющим удовлетворить современный запрос на сменяемость власти. Данную систему было решено продвигать и за пределами Ирана, противопоставляя ее западному конструкту национального государства, который в свою очередь объявлялся «наследием колониализма». Уже в 1980 году, в первую годовщину свержения шахского режима, Хомейни заявил, что иранцам нужно экспортировать исламскую революцию. Неошиизм, он же хомейнизм, стал новой идеологией Ирана, к которой целенаправленно стремились приобщить и другие исламские страны – особенно те, где проживают шииты.

Другой консолидирующей идеей, посредством которой позже подпитывались иранские прокси-союзники, стало непоколебимое желание вернуть Иерусалим Палестине. Касаясь этого сюжета, авторы подчеркивают, что, объективно говоря, классический шиизм не видит в этой оспариваемой локации никакой религиозной ценности: подлинными святынями для его последователей остаются Мекка и Медина, расположенные на территории Саудовской Аравии – главного конкурента Ирана

в борьбе за первенство в регионе. Тем не менее в 1979 году Хомейни провозгласил освобождение Иерусалима центральным пунктом исламской идеологии, а иранскую революцию – прелюдией к полному освобождению от сионистского врага (р. 10). Этим заявлением аятолла преследовал сразу несколько целей: во-первых, ему хотелось уравнивать в статусе саудовские и палестинские святыни, поскольку обретение контроля над последними представляется иранским лидерам более вероятным; во-вторых, требовалось сплотить жителей страны в борьбе с внешним врагом; в-третьих, если бы Ирану действительно удалось поспособствовать Палестине, то это обязательно укрепило бы популярность режима во всем мусульманском мире. Все перечисленные пункты напрямую связаны с иранской стратегией прокси-войн.

Несмотря на то, что подобные войны происходят в мире довольно давно, авторы приписывают Ирану четыре новации. Прежде всего исламская республика развивает не только сотрудничество с идейно близкими шиитскими общностями, но и спорадические контакты с радикальными суннитскими группировками, ориентированные на достижение конкретных целей. Сочетаясь с тщательно маскируемыми способами спонсирования клиентов, такой подход, как отмечается в книге, позволяет скрыть полную картину иранской вовлеченности в тот или иной конфликт от разведывательных служб других стран. Далее, согласно утверждаемой шиитским духовенством догме, самоподрыв террориста-смертника является не злостным грехом, а допустимой опцией ведения священной войны, что, разумеется, расширяет способы достижения целей вооруженным путем. Следующей новинкой, практикуемой в ведущих Ираном прокси-войнах, стало выдаваемое иранской агентуре предписание максимально смешиваться с гражданским населением, которому в свою очередь над-

лежит укрывать шиитских комбатантов. Наконец, в качестве последней особенности выставляется так называемая «ось сопротивления»: широко расставленные террористические сети, опекаемые иранцами, действующие во многих государствах одновременно и гарантирующие тегеранскому режиму безопасность перед лицом противников, особенно имеющих ядерное оружие. «Либо мы все в безопасности, либо никто не в безопасности», – так авторы поясняют иранскую логику (р. 16).

Результаты стратегии прокси-войн не однозначны: где-то они существенны, а где-то минимальны. Например, группировка «Хизбалла», флагман иранских прокси, смогла стать важнейшей политической силой в Ливане. Корпус стражей исламской революции активно участвовал в спасении режима Башара аль-Асада, чем частично превратил Сирию в тегеранского вассала. Однако при этом в сирийском случае успех, по мнению авторов, основательно подорвал состоятельность декларируемой Ираном борьбы за права шиитов в регионе Персидского залива. Горячее попечение о шиитских меньшинствах на фоне подавления суннитского большинства руководством проиранской Сирии выглядит политическим лицемерием, так как в нем прослеживаются двойные стандарты. Дело в том, что озабоченность правами меньшинств проявляется только там, где это касается единоверцев и, соответственно, способствует экспансии иранской власти и иранской идеологии, но сам по себе статус меньшинств, а также то, выступают ли они угнетаемыми или угнетателями, Иран не очень интересует – и его позиция относительно алавитского меньшинства, сурово управляющего суннитами в Сирии, тому доказательство.

Иногда реализуемая иранцами прокси-стратегия отталкивает и своих, и чужих. В частности, поддержка единоверцев в Ираке в ущерб суннитам усугубляет недоверие

суннитских стран Залива к режиму аятолл, а Кувейт по-прежнему помнит теракт 1983 года, который считается мстью Ирана за поддержку, оказанную кувейтской монархией Саддаму Хусейну в ирано-иракской войне 1980–1988 годов. В силу указанных причин исламская республика практически не получила никаких выгод от «арабской весны» в монархиях Залива. В итоге сегодня иранские счета с Саудовской Аравией сводятся преимущественно в Йемене: страна, которая первоначально не рассматривалась Тегераном в качестве направления для экспорта революции, внезапно стала местом триумфа иранских прокси в лице хуситов.

Проанализировав перечисленные случаи, авторы приходят к выводу, что прокси-политика существенно помогает Тегерану распространять идеи (и практику) исламской революции. Говоря о том, как устроена книга, следует отметить, что в ней представляются не только сами кейсы, но и участвующие в них акторы. Безусловно важны, например, психологические портреты иранских участников событий, так как их личностные характеристики, по убеждению авторов, занимают видное место в успехах и неудачах Ирана. В целом же итог исследования таков: консолидированный Запад слишком нерешительно противостоит иранским прокси-проектам и тем жестким методам, которыми они реализуются. Но при этом цена иранского прокси-натиска довольно велика: среди издержек – как недовольство иранцев приоритетом внешней политики над внутренней, пагубно сказывающимся на распределении национальных ресурсов, так и углубляющаяся изоляция Ирана на международной арене, оборачивающаяся все новыми санкциями и ослаблением поддержки правящего режима внутри страны.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

Метаморфозы сирийской оппозиции

ЛЕОНИД ИСАЕВ, АНДРЕЙ КОРОТАЕВ, АНТОН
МАРДАСОВ, КИРИЛЛ СЕМЕНОВ
М.: ЛЕНАНД, 2021. – 304 с.

Сирийский кризис, спровоцированный «арабской весной», угнетает неискушенного наблюдателя своей сложностью. Помимо длительности конфликта и, как следствие, вписанного в него множества событий, сбивает с толку и количество вовлеченных в него сторон. Еще более запутывает ситуацию невозможность расположить большую часть его акторов на классической шкале «добро – зло»: если, скажем, для запрященного в России «Исламского государства» («ИГ») место подбирается достаточно быстро, то с другими группами ситуация гораздо сложнее. Одна из положительных сторон представляемой книги – наличие в ней разных точек зрения как на сами факты сирийской гражданской войны, так и на пестрые ряды ее участников. И хотя чтение не гарантирует четкого ответа на вопрос «Кто прав?», панорамное видение сложного политического ландшафта, а также богатой палитры его участников скорее всего будет обеспечено. А это важно, поскольку сирийскому диктатору Башару аль-Асаду удалось

почти немыслимое: он мобилизовал против своего режима очень непохожие и различные силы. В стане оппозиционеров можно встретить друзов и алавитов, туркоманов и курдов, консервативных богословов и арабских феминисток, националистов, исламистов и либералов, бывших сторонников аль-Асада и даже его родственников. В поле авторского внимания наряду с обычной оппозицией попадает и прослойка воюющих радикалов: хотя с оппозиционерами в настоящем смысле слова эти люди имеют мало общего, их роль в сирийских событиях огромна, а потому для полноты картины рассказывается и о них.

Авторский коллектив сборника составили специалисты по Ближнему Востоку и Северной Африке, хорошо известные в научном сообществе. Подготовленная ими работа представляет собой не коллекцию разрозненных статей, а целостное повествование, разбитое на восемь глав. В первой главе – ее, наверное, можно назвать обобщающей – представляются действующие лица: она знакомит с основными акторами сирийского конфликта, снабжая читателя общей информацией о каждом из них; именно в ней закладывается необходимая для препарирования конфликта база, на которую позже ляжет более детальное изложение. Вторая глава описывает декорации – тот контекст, в котором эти акторы действуют, раскрывая их образы в динамике. В последующих пяти главах ключевые противоборствующие группы разбираются более детально; здесь даже приводятся авторские интервью с некоторыми их представителями. Наконец, последняя глава посвящена сирийскому переговорному процессу во всем многообразии его форматов.

Авторы видят в сирийском кризисе одно из следствий «арабской весны», которая оказалась неспособной «найти достойную замену светским авторитарным режимам» (с. 4). Гипотетическая сирийская демокра-

тия, по их мнению, изначально виделась дефектной и неустойчивой – это «факциональная демократия», под которой в книге понимается такая система, где дифференциация политических сил идет не по линиям типа «правые – левые» или «либералы – консерваторы», а по таким размежеваниям, как «сунниты – шииты» или «последователи клана Салехов – последователи клана Ахмаров» (с. 5). Подобные режимы неминуемо генерируют гражданские войны или военные перевороты. Подтверждением же того, что сирийский кейс соответствует именно такой модели, выступает политическое бытование тех регионов Сирии, где режим аль-Асада утратил территориальный контроль: это исламистские, курдские, друзские анклавов, которые своим функционированием демонстрируют необходимость для них центральной власти.

Аналогичные примеры можно найти и по соседству с Сирией. Из новых – и неудачных – случаев внедрения факциональной демократии во введении упоминается Ирак, расколотый на суннитский, шиитский и курдский сегменты. Также можно вспомнить обойденный авторами случай Ливана, шедшего по этому пути уже несколько десятилетий. Национальный пакт 1943 года официально закрепил размежевание политических элит и их концентрацию вокруг президента-христианина, премьер-министра – суннита и парламентского спикера – шиита. В 1975 году – словно по учебнику политологии – в стране началась долгая гражданская война, которая закончилась спустя пятнадцать лет пересмотром наличного порядка. При этом, однако, сектантский раскол политической сферы никуда не делся, хотя и поддерживается он иными условиями. В наши дни Ливан снова стоит на пороге если не гражданской войны, то серьезных потрясений, результатом которых, по-видимому, станет очередное государственное переустройство; вопрос лишь в том, будет ли смена правил доста-

точно радикальной для того, чтобы вырвать страну из замкнутого круга политических кризисов.

Однако, в отличие от Ливана, где во властвующих структурах были представлены все основные конфессии, в Сирии алавитское меньшинство управляет преимущественно суннитским населением. Этот факт активно использовался оппозицией, доказывающей, что сирийская система правления несправедлива. Уже во введении авторы начинают разбираться, как сложилась такая ситуация. Засилье алавитов также характерно и для сирийских силовых структур, причем, как указывается в книге, нельзя однозначно сказать, на пользу это режиму аль-Асада или же во вред. С одной стороны, благодаря влиянию алавитов в силовых структурах репрессивный аппарат сохранил верность режиму во времена турбулентности. Но, с другой стороны, предпочитая подавлять недовольство, а не устранять его причины, именно армия и полиция довели социально-политическую напряженность в стране до взрыва.

В начальной главе предлагается краткая интродукция основных акторов сирийского конфликта. Первым из них выступает режим Башара аль-Асада, который стоит на трех столпах: это партия «Баас», армия и алавитское меньшинство. Интересно, что сторонников революции можно обнаружить и в рядах последнего; к таковым, например, относится Али Хабиб Махмуд, служивший в 2009–2011 годах сирийским министром обороны. Гражданская война вообще основательно перетасовала персоналии, и если ранее наибольшим влиянием пользовались члены президентского семейства, то после начала противостояния родственников заменили те, кто возвысился на полях сражений. Встряхнув верхушку сирийского общества и перераспределив зоны личной влияния, «арабская весна» не оставила проигравшим во внутриэлитной схватке иного выхода, как присоединиться

к противникам режима. Кстати, подобные фигуры имеют все шансы вернуться в политическую жизнь Сирии, так как остаются приемлемыми как для режима, так и для оппозиции. Из той же первой главы читатель узнает, как члены президентского клана ладят между собой в настоящее время и кто стал в стране «лицом номер два», следующим за Башаром аль-Асадом.

Говоря о противниках режима, авторы делают их на две категории: это внутренние (системные) и внешние (внесистемные) оппозиционеры. Первые выступают за проведение социально-политических реформ, внесение поправок в Конституцию, освобождение политических заключенных, мирные протесты – исключая при этом любое иностранное вмешательство во внутренние дела Сирии. Этот оппозиционный лагерь концентрируется вокруг Координационного совета за демократические перемены. В качестве недостатков системного сопротивления авторы выделяют неоднородность движения, отсутствие лидеров – вплоть до невозможности ведения переговоров из-за отсутствия переговорщиков, – неспособность четко формулировать требования и отстаивать их. Однако те же самые свойства позволяют легальной сирийской оппозиции быть более мобильной и менее уязвимой. Что же касается внесистемной оппозиции, то она, напротив, выдвигает четкие и радикальные требования, среди которых: отставка президента, роспуск кабинета министров, создание переходного правительства. Это крыло оппозиции представлено двумя структурами. Первая из них, Сирийский национальный совет, была создана в Турции в 2011 году из представителей как исламистских, так и либеральных движений. Позднее, в 2012-м, те группы противников режима, которые не признали Совет в качестве координационного органа оппозиции, создали свою Национальную коалицию сирийских оппозиционных и революционных сил.

Третьей, не менее важной, стороной сирийского конфликта выступают исламисты. Часть из них изначально действовала под эгидой Сирийской свободной армии, но впоследствии некоторые группы перешли под контроль различных исламистских фракций типа «Джабхат ан-Нусры», являвшейся на момент начала конфликта сирийским филиалом «Аль-Каиды». Позднее, после разрыва с «Аль-Каидой», «Джабхат ан-Нусра» растворилась в новом формировании, называемом «Тахрир аш-Шам» (все они запрещены в России). Исламистские группировки преуспели в создании коалиций, что делало их во многом успешней разрозненной светской оппозиции. Вместе с тем главной проблемой не только Сирии, но и всего региона, стало «Исламское государство» – еще одна бывшая региональная ветвь «Аль-Каиды», изначально действовавшая на территории Ирака. Авторы обращают внимание на то, что, несмотря на кавычки в названии, к 2014–2015 годам «ИГ» смогло создать на подконтрольных ему территориях полноценное государство «с границами, армией, системой политической власти, бюджетом и, самое главное, поддерживающим ее населением» (с. 28). Кстати, способность повстанцев завоевывать поддержку населения, более качественно удовлетворяя социальные запросы масс, объясняет теория конкурентного управления (*competitive governance theory*). Интересно, что степень эффективности подобного удовлетворения применительно к квазигосударственным образованиям есть понятие относительное: успех в обеспечении граждан благами вовсе не должен быть абсолютным, достаточно лишь того, чтобы предоставляемые инсургентами услуги хотя бы чуть-чуть превосходили аналогичные государственным¹. Иначе говоря, негосударственным акторам достаточно просто не выказывать

того уровня некомпетентности, который позволяет себе правительство.

Отдельное место в сирийском конфликте занимают курды. Основные требования, озвучиваемые ими на фоне гражданского противостояния, касались соблюдения курдских национальных интересов и полноценного включения курдского меньшинства в политическую жизнь Сирийской Арабской Республики. Курды не задавались целью сменить существующий режим, поскольку возможная перспектива новой диктатуры под покровительством Турции, с которой связаны многие оппозиционные структуры, сулила им еще большие притеснения. После перехода конфликта в горячую фазу курды самоорганизовались на своих территориях, создав собственное временное правительство (Курдский верховный комитет) и вооруженные силы (Отряды народной самообороны). Аль-Асад не допускал даже обсуждения вопроса о курдской автономии, поэтому режим не нашел среди курдов сторонников в борьбе с оппозицией, хотя вооруженные стычки курдских отрядов с формированиями оппозиционеров время от времени происходили. Сотрудничество курдов с США на почве борьбы с «ИГ» еще больше ухудшило их отношения с Дамаском.

Сложно переоценить роль, которую в сирийской драме играют внешние акторы: именно из-за них война «оказалась столь затяжной, подпитывая противоборствующие стороны» (с. 29). Иран, заинтересованный в сохранении дружественного баасистского режима, активно поддерживал аль-Асада, что помогло Дамаску продержаться до 2015 года, когда на его стороне выступила Россия. Политический расклад, присущий тогда Ближнему Востоку в целом, напрямую сказывался на сирийских событиях. Так, соперничество двух блоков, один из которых составили Турция

¹ Подробнее об этом подходе см.: KASFIR N., FRERKS G., TERPSTRA N. *Introduction: Armed Groups and Multi-layered Governance* // *Civil Wars*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 257–278.

и Катар, а другой – Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, окончательно раскололо и без того разрозненную оппозицию. Обусловленное конкуренцией с саудитами нежелание турок поддерживать революционные силы, действующие на юге страны и в районе Дамаска, к 2018 году обеспечило переход этих территорий под контроль режима. Кроме того, Сирия с неизбежностью стала ареной латентного противоборства между Россией и США, осложняемого тем, что обе эти стороны в различной степени, но все-таки сотрудничали с курдами в борьбе с «ИГ».

Все вышеизложенное представляет собой лишь краткий обзор первой главы рецензируемой книги – образно говоря, своего рода концептуальный «скелет» сирийского конфликта, достроить который заинтересованному читателю поможет этот труд. Рецензент одной из отечественных газет назвал эту книгу «справочником по сирийской оппозиции», что довольно верно отражает ее содержание². Действительно, авторы провели уникальную работу по систематизации данных о гражданской войне в Сирии, перипетии которой были представлены с фокусировкой именно на оппозицию. «Метаморфозы сирийской оппозиции» стали настольным пособием для всех, кто взял на себя труд разобраться в одном из самых запутанных, но при этом и самых значимых конфликтов современности.

Согласно авторам, на начальном этапе многоцветье оппозиционных сил помогло революционной искре разгореться, но при этом оно же и не позволило превратить временную консолидацию в долгосрочный союз. Ценностный диссонанс рассыпал большую силу на множество малых, каждая из которых более всего интересовалась «шкуркой неубитого медведя» – собственным местом в прекрасной Сирии будущего.

В результате мелкие оппозиционные объединения стали легкой добычей радикальных группировок, которые в свою очередь обладали мощными объединяющими принципами, цементируемыми исламской идеологией. В результате, по словам авторов, «можно констатировать, что сирийская оппозиция является проигравшей стороной» (с. 288). Но, несмотря на то, что провластные круги в таких условиях, наоборот, смогли сохранить военно-политическое единство, авторы не спешат провозгласить режим аль-Асада победителем. Это не удивительно, поскольку проблемы, которые спровоцировали революционный взрыв, по-прежнему так и не решены, а десятилетие военных действий до основания разрушило инфраструктуру страны. Иными словами, у сирийского конфликта, похоже, большое будущее: и уже хотя бы поэтому его стоит внимательно изучать.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств

Полина Аронсон

М.: Индивидуум, 2021. – 192 с. – 3000 экз.

Социология эмоций приходит к выводу, что люди (во всяком случае живущие в цивилизованной части мира) бегут от любви и, кажется, своими руками готовы демонтировать базовый механизм, обеспечивающий реализацию биологической программы по воспроизводству популяции. А может быть, все ровно наоборот, ведь в самой любви есть что-то «смертельное»: в нее подчас «падают», как в пропасть – именно с намерением пропасть в ней, находя именно в этом самоуничтожении, путем раство-

2 См.: Волков К. В России издан справочник по группировкам сирийской оппозиции // Российская газета. 2020. 7 октября (<https://rg.ru/2020/10/07/v-rossii-izdan-spravochnik-po-gruppirovkam-sirijskoj-oppozicii.html>).

рения в другом, истинную сладость бытия. В противовес этому поиск партнера по интернету, пошаговый алгоритм проверки чувств, предусмотрительное сохранение плацдарма для отступления на случай неудачи – умная гарантия от нестерпимых душевных потрясений. При такой стратегии не будет суицидов из-за несчастной любви, что уже неплохо, а с разочарованием поможет справиться психотерапевт.

Современный Ромео вряд ли полезет на балкон к Джульетте, ибо для городского жителя риск не только живительный адреналин, но и дискомфорт. Проще написать в мессенджере: «Ты где?» – и назначить встречу в популярном кафе. Вероятно, комфорт – главное слово постиндустриального общества, чья окружающая среда устроена так, чтобы человеческому организму в ней было удобно. Любовь же, даже взаимная, – всегда стресс, вызванный риском. Плата за любовь – тревога и горе. Поэтому, как утверждает социолог, антрополог и публицист Полина Аронсон в своей книге «Любовь: сделай сам», современный человек предпочитает любви «отношения».

Отношения – нечто более предсказуемое, структурное, последовательное, а поэтому комфортное. Отношения можно строить постепенно, наращивать, как ряды

кирпичной кладки, тогда как любовь, по выражению Михаила Булгакова, поражает мгновенно. («Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!») – говорит Мастер из романа «Мастер и Маргарита»).

Восприятие любви как божьего промысла, как горько-сладкой блаженной неожиданности, от которой замирает сердце, Аронсон называет «режимом судьбы». Поскольку режим судьбы задан самим провидением и речи о выборе не идет, то социальный фон, на котором функционирует этот режим, автор называет «эмоциональным социализмом». При социализме жизнь человека была детерминирована и развивалась по заданной траектории от детства до пенсии. Получается, любовь – как некий дефицитный товар, который «выбросили», и твое счастье, если у тебя в этот момент была с собой авоська. Любовь в режиме судьбы – это три кило апельсинов, которые ты случайно урвал в универсаме, поймал их в сеть авоськи. Но режим судьбы предполагал, что апельсинов могут и не завезти, поэтому надо ждать и терпеть лишения. «Никогда хорошо не жили, нечего и начинать» – этот принцип применим и к «эмоциональному социализму», при котором избавление от душевных и даже физических страданий («бьет – значит, любит») не является ни целью, ни заслугой, даже наоборот. «Свобода эмоционального социализма в готовности потерять голову от любви, в свободе любить по-сумасшедшему. [...] Побёги в любовь – это своего рода прогулки по тюремному двору», – цитирует автор антрополога Юлию Лернер (с. 42).

В отличие от этого, «эмоциональный капитализм» как доминирующий в передовых странах социальный фон предполагает «режим выбора». В этих условиях любовь подобна содержимому потребительской корзины, которую ты заполняешь по своему

усмотрению, причем товары для этой корзины всегда есть в наличии. Режим выбора более комфортен – ведь человек сам может скомплектовать свой «отношенческий» продуктовый набор. Капитализм формирует у людей способность делать осознанный и своевременный выбор на конкурентном рынке, просчитывать последствия выбора, рассматривать варианты отхода в случае неудачи, возникновения дискомфорта. Аронсон пишет, как ее американский бойфренд уже в начале отношений подстелил эмоциональной соломки, записав для себя плейлист из песен, которыми он будет утешаться, когда отношения закончатся, потому что «рано или поздно все равно всегда расстанутся» (с. 84).

Современный человек, в том числе и в России, отказывается сгорать в пламени страстной и незапланированной любви, которая не поддается рационализации – она непредсказуема, несправедлива и даже зла. Молодые россияне от 20 до 30 лет, опрошенные в 2020 году, предпочитали не говорить о любви, не искать ее, а просто жить «полной жизнью», то есть полной удобства и комфорта. Здоровые «отношения» противопоставляются любви и любовной травме, они являются свидетельством личного успеха. «“Отношения” выступают как зона комфорта, как симметричный, аккуратно подстриженный островок покоя в агрессивно настроенном мире, полном насилия и непредсказуемости», – пишет Аронсон (с. 60). Для сравнения: у Гончаровского Ильи Обломова с Ольгой Ильинской была непонятная и мучительная для него любовь, а с вдовой Пшеницыной – удобные, сытые, «беспонтовые» отношения. В этом смысле Обломовы, кажется, численно победили пылких Ромео на условном Западе, не говоря уже о Японии, где давно распространены разного рода суррогатные отношения. Недаром современные исследователи Гончарова начали трактовать Обломова не как диванного лежебоку, а

как самодостаточного свободного человека, который знает, чего хочет, и не нарушит личных границ другого путем эмоционального насилия.

Но зона комфорта – это зона строгого режима, где живут по понятиям, продолжает автор. Понятий три: 1) не лезь, не навязывайся, держи дистанцию; 2) никто никому ничего не должен; 3) не привязывайся, избегай «созависимости». Эти понятия недалеко ушли от классической триады «не верь, не бойся, не проси», но такова стратегия выживания в условиях несвободы, принцип, регулирующий и оптимизирующий отношения между заключенными. Получается, что свобода конструирования комфортных отношений приводит к эмоциональной несвободе, добровольной резервации. Это своеобразная патовая ситуация, *catch-22*. Пребывание «на зоне» комфорта требует постоянных усилий: нужно все время контролировать себя и ситуацию, чтобы не облажаться. Немудрено, что живущие в режиме выбора люди все чаще сообщают об усталости от переизбытка доступной свободы, и кое-где (например в США) маятник общественного мнения качнулся в сторону «традиционных ценностей». В традиционном обществе темой любви особо не озадачиваются, поскольку «для бедной Тани все были жребии равны», после чего – «но я другому отдана, я буду век ему верна». Так действительно проще, но именно от этого кругом столько невротиков.

Появилась категория людей, которые избегают от усталости эмоционального капитализма, выбирая сологамию, то есть «брак с собой», и даже дают при этом ритуальный обет любви к себе. Аронсон описывает собственный опыт такого рода в главке «Долго и счастлива сама с собой». Появилась категория независимых, финансово успешных женщин, которые принципиально отказываются иметь дело с мужчинами даже ради деторождения и

предпочитают процедуру ЭКО. Но добровольное одиночество не только выбор, но и бремя, может быть, поэтому все больше людей беседуют с голосовыми помощниками в гаджетах. Для такого суррогатного общения созданы интеллектуальные чат-боты, роль утешителей берут на себя так называемые «воботы». Приложение *Mend* помогает «заштопать» разбитые сердца, то есть справиться с расставанием. Это виртуальный терапевт, который ведет пользователя по алгоритму психической саморегуляции, но стоит дешевле живого психотерапевта. Кроме того, на рынке есть категория товаров под названием «артефакты счастья», призванные дать человеку ощущение счастья, когда для него нет повода. Но все это похоже на то, что люди превращаются в «общество изолированных друг от друга травматиков; мы лечим уязвимость, наращивая автономию, а не учась эмпатии» (с. 76). Описывая брак с собой как «революцию социального порядка», Аронсон в итоге приходит к пониманию его как во многих смыслах традиционного: «Вместо того, чтобы деконструировать идеи о том, что такое “правильная” жизнь, брак с собой может лишь еще больше укрепить их» (с. 104).

Но основной порок «эмоционального капитализма», очевидно, в том, что он противоречит фундаментальной потребности человека в другом человеке, и эта потребность, как показали нейробиологи, может быть даже сильнее потребности в пище и убежище.

«То, что помогает нам почувствовать себя любимыми, – это контакт с другими людьми, причем не только с теми, кто нас целует и обнимает, но и с теми, кто огрызается на нас и тормозит наш “личностный рост”» (с. 106).

Возможность же удовлетворить любую потребность в интернете уводит человека от человеческого, изменяет, как полагает

Аронсон, презумпцию взаимодействия между людьми, делая прямой тактильный контакт нежелательным, что приводит к спаду сексуальной активности. В популярной психологии «соблюдение личных границ» – одна из основных мантр, которая в итоге превращает сексуальность, являющуюся радикальным нарушением личных границ даже по обоюдному согласию, в зону неопределенности и страха, тем более, что публичный дискурс телесности часто включает тему насилия. С одной стороны, тело священно и неприкосновенно, поскольку оно поле для строительства идентичности; с другой стороны, иллюзорность границ тела хорошо проиллюстрировала эпидемия COVID-19: «У тела, как выясняется, есть собственная жизнь – и в этой своей жизни оно неразрывно связано с другими организмами» (с. 118).

Что делает хронически испуганный человек, который боится дать себя потрогать другому человеку? При достаточной осознанности и мотивации – идет к психотерапевту. Но есть и технологичная альтернатива: взять смартфон и пожаловаться на одиночество голосовому помощнику. «Многим проще делиться своими переживаниями с искусственным, а не с человеческим интеллектом. [...] Экран гаджета защищает от осуждения окружающего мира» (с. 126). Цифровые приложения для мониторинга настроения могут способствовать полезному стереотипу выражения эмоций, но при всех их достоинствах и доступности они, как утверждает автор, ужесточают режим эмоционального капитализма: «Они закрепляют представление о том, что путь к счастью можно проложить через простые шкалы, короткие тесты и звонкие списки полезных привычек» (с. 134). И вот эта «культура самооптимизации», полагает Аронсон, возможно, и сводит нас с ума.

В заключение книги Полина Аронсон предлагает третий режим любви, противостоящий гегемонии и судьбы, и выбора. Она

называет это режимом заботы и считает его главным принципом отношений между людьми. Для нее это «труд любви», который подразумевает как привязанность между людьми, так и признание их уязвимости перед лицом жизненных трудностей. Она предлагает переосмыслить понятия зависимости и независимости, отказаться от представления о полной автономии человека как «правильном» состоянии, противопоставленном «неправильному» состоянию привязанности. «Эмоциональный режим заботы потребует от нас признания в собственной зависимости от других, признания в желании быть вместе с кем-то» (с. 168). Автор полагает, что режим заботы – социальная революция, требующая смелости «быть частью чего-то большего, чем ты сам».

СЕРГЕЙ ГОГИН

Feminist City. Claiming Space in a Man-Made World

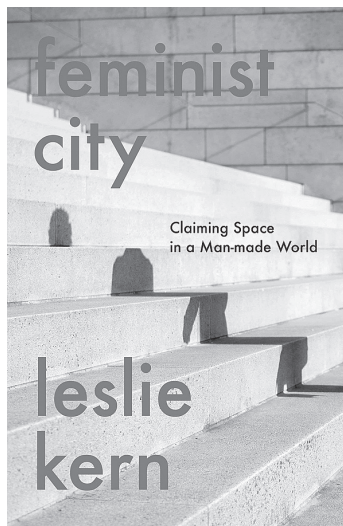
LESLIE KERN

London; New York: Verso, 2020. – 224 p.

Профессор географии и экологии, директор департамента женских и гендерных исследований в Университете Маунт Эллисон (Канада) Лесли Керн в новой книге «Феминистский город: завоевание места в мире, созданном мужчинами» проводит анализ городской среды, пытаясь ответить на вопрос, как можно сделать ее максимально комфортной для всех людей вне зависимости от их гендерной принадлежности.

Основой для проведенного исследования стала феминистская география (р. 13), которая предполагает изучение городского пространства как искусственной среды, созданной людьми под влиянием идей, связан-

ных с гендером и властными отношениями. Керн соглашается с Джейн Дарк, по мнению которой, «города – это патриархат, высеченный в камне, кирпиче, стекле и бетоне»³. Обе исследовательницы указывают на то, что городское пространство ориентируется на облегчение жизни и передвижений мужчины-«кормильца», который ездит на работу и обратно, но совершенно не учитывает потребности женщин, зачастую совмещающих неоплачиваемые обязанности по дому и оплачиваемую работу. Более того, по мнению автора, большая часть исследований городского пространства проводится мужчинами, проживающими в западных странах и выбирающими в качестве объекта крупные города (р. 6). С этим тезисом Керн можно поспорить, поскольку сегодня одной из ключевых фигур в изучении городов является Саския Сассен – которая, конечно, из западной страны и занимается крупными городами, но все-таки женщина.

Городское пространство формируется с учетом доминирующих в обществе представлений о том, какой должна быть повседневная жизнь большинства людей. Поэтому неудивительно, что зачастую го-

3 DARKE J. *The Man-Shaped City* // BOOTH C., DARKE J., YEANDLE S. (Eds.). *Changing Places: Women's Lives in the City*. London: Sage, 1996. P. 88.

рода предлагают общественный транспорт, ориентированный на офисного работника, находящегося в дневное время в деловом районе; жилье, ориентированное в первую очередь на нуклеарную семью, и так далее. Тем самым искусственная среда, созданная людьми, воспроизводит многие аспекты социального неравенства, в том числе и по гендерному основанию. Города отражают нормы того общества, в котором они создаются, и позволяют понять, насколько успешны отдельные социальные группы в реализации своих интересов.

Оформление современного города не только способствовало значительным социальным преобразованиям, но и ставило под вопрос те этико-политические нормы, что легитимировали жесткие границы между мужчинами и женщинами. Скорость изменений и повысившаяся плотность населения в индустриальном городе породили столкновение разных культур: джентльмен и простолюдин оказались плечом к плечу, а женщины стали более активными участниками городской жизни (р. 2). В новом городском пространстве женщины были вынуждены отстаивать свою репутацию, защищая право на безопасность и собственные границы. Эта новая для них ситуация была отражена, например, в романах Чарльза Диккенса. И даже сегодня тела женщин рассматриваются как источник (подростковая беременность, чаще свойственная женщинам из низших социальных слоев) и признак (например ожирение) городских проблем.

Книга Керн состоит из введения, пяти глав и заключения. В основе ее работы лежат не только теории, но и собственный опыт городской жизни, обладающий, как утверждает автор, рядом ограничений. Являясь белой, здоровой, цисгендерной женщиной, живущей в одном из западных обществ, Керн признает, что не способна прочувство-

вать и осмыслить все те проблемы, с которыми сталкиваются представители менее привилегированных слоев населения.

Первая глава «Город мамочек» представляется наиболее значимой, поскольку в ней раскрываются ключевые положения работы. В ней Керн вспоминает, что впервые осознала ориентированность городов на потребности мужчин в период своей беременности. Новые подтверждения этому она получила, начав работать и параллельно занимаясь воспитанием своего ребенка. Она пришла к выводу, что города учитывают потребности мужчин намного чаще тех, что преимущественно характерны для женщин. Вся архитектура городского пространства создается в соответствии с характеристиками мужского тела, женское же вынуждено вечно бороться с физическим пространством. Город не отражает особенности современных социальных связей, включающих смешанные семьи, гомосексуальные и полиаморные отношения, а также сложные родственные взаимодействия, вызванные разводами и неоднократными повторными браками. Если обратить внимание на феминистские проекты преобразования городов, можно заметить, что многие из них предполагают такой тип жилищного строительства, который позволил бы женщинам совместно заботиться о детях, готовить и вести домашнее хозяйство так, как это было в традиционных обществах. В большинстве случаев атомизированность горожанки вынуждает ее постоянно перемещаться из одной части города в другую для удовлетворения своих потребностей и потребностей своей семьи.

Керн проводит анализ гендерной составляющей процесса джентрификации, который, впрочем, уже оказывался в центре внимания отдельных исследований именно в таком аспекте. Например, Унифред Каррен демонстрирует⁴, что в результате

4 CURRAN W. *Gender and Gentrification*. New York: Routledge, 2018.

джентрификации, даже если не происходит насильственного переселения, растет стоимость жизни, повышается арендная плата, что сужает выбор жилья и постепенно заставляет экономически незащищенные слои населения покинуть благоустраиваемый, а потому дорожающий район. Она утверждает, что наименее защищенными в данной ситуации оказываются незамужние женщины с детьми, а также пожилые люди, среди которых доля женщин выше, чем мужчин⁵. Как это ни парадоксально, женщины, не являясь выгодоприобретателями джентрификации, зачастую бывают ее инициаторами⁶, поскольку артикулируют свои запросы на изменение городов. Это связано с тем, что женщины, как правило, используют городское пространство более разнообразно, нежели мужчины: как место для работы, воспитания детей, покупок, культурных мероприятий и так далее.

Обусловленные гендером различия в возможностях и качестве жизни не только привлекают внимание исследователей, но и уже привели к некоторым реальным изменениям. Ориентированность городов на мужчин и свойственный им образ жизни могут быть скорректированы, и тому уже есть подтверждения. Например, в Стокгольме была принята «стратегия равноправия полов» (р. 48), согласно которой от снега в первую очередь расчищают улицы, прилегающие к школам, а не деловые районы: дети оказываются в учебных заведениях раньше, чем их родители – на работе. Кроме того, при расчистке снега приоритет отдают тротуарам, велосипедным дорожкам и полосам, предназначенным для общественного транспорта, – все они обычно востребованы женщинами, детьми и пожилыми людьми, которые чаще ходят пешком и передвигаются на велосипедах.

Однако лишь немногие градостроители стремятся учитывать подобные требования

при организации городского пространства. Власти Вены попытались усовершенствовать условия для пешеходной мобильности, изменить структуру общественного транспорта так, чтобы услуги по уходу за детьми, медицинские услуги и многие другие стали равнодоступными. Это позволило Керн утверждать, что подход Вены к учету гендерной проблематики «буквально меняет город» (р. 47). Но это скорее исключение из правил, поскольку городские проблемы повсеместно отражаются на телах женщин – отражаются буквальным образом: через болезни, истощение и боль. Каким же должен быть идеальный город будущего? Он должен учитывать потребности женщин-инвалидов, женщин с нетрадиционной ориентацией, одиноких и стареющих женщин (р. 53–54).

Во второй главе «Город друзей» Керн обсуждает феномен женской дружбы и его роль в городском пространстве. По ее мнению, женская дружба, часто считающаяся низкосортной заменой романтическим гетеросексуальным отношениям – а то и вовсе завуалированной лесбийской любовью, – фактически выступает оплотом стабильности и взаимопомощи в городах. Несмотря на то, что город в меньшей степени организован для женской дружбы, она помогает обеспечивать безопасность и солидарно сражаться с рисками и неприятностями. «Напиши, когда вернешься домой» (р. 70), – этот девиз женской дружбы, по мнению автора, сложно понять мужчинам, так как он не является элементом мужской дружбы и в полной мере отражает особенности жизни женщин в современном городе, пронизанном угрозами и опасностями.

Одиночество как привилегия городской жизни стало темой третьей главы «Город для одного» (р. 80–114). Несмотря на атомизацию городского пространства, подкрепляемую распространением информацион-

⁵ Ibid. P. 12–32.

⁶ Ibid. P. 3.

ных технологий, привилегия одиночества редко предоставляется женщинам. Надо отметить, что вся эта глава рассказывает о ситуациях, с которыми сталкивались героини сериала «Секс в большом городе». Сюжеты сериала становятся для автора прекрасной иллюстрацией тех проблем, с которыми сталкиваются женщины, в том числе одинокие. Классическим примером подобной несправедливости городской жизни по отношению к женщине является посещение кафе и ресторанов в одиночестве, которое не раз находило отражение в популярной массовой культуре. Мужчина, обедающий один, скорее предстанет для окружающих в образе бизнесмена, путешествующего по работе, а женщина в аналогичной ситуации скорее вызовет жалость. Для того, чтобы не подвергать себя опасности, женщины в городе стараются меньше выражать себя, особенно в одиночестве. По мнению автора, женское тело даже неосознанно фиксирует все эти ограничения, связанные с предотвращением потенциальных рисков, особенно когда женщина находится в городском пространстве одна. Это приводит к тому, что женщины готовы существенно снижать свою социальную активность, чтобы не подвергать себя дополнительным угрозам.

Попытки изменить устройство современных городов сопряжены, по мнению Керн, с женским городским активизмом, рассмотрению которого она посвятила четвертую главу «Город протеста» (р. 115–141). Женский протест в городе принимает множество форм – от нарушения общественного порядка путем перекрытия дорог до попыток участвовать в градостроительной политике. Несмотря на важность таких форм активизма, более продуктивным может стать формирование и повсеместное распространение «феминистского взгляда», позволяющего выявлять проблемы и искать способы их решения. В культивировании

подобного взгляда автор видит одну из задач книги: развивать такое мышление, которое позволит каждому человеку увидеть альтернативные городские практики в условиях конкретной страны и города, а также сформулировать собственные вопросы о гендере, чтобы найти способы действовать иначе.

Общая парадоксальность ситуации заключается в том, что жизнь в городе должна была расширить репертуар социальных ролей, которые может играть женщина, и снять ограничения, характерные для жизни в пригороде и удобные лишь для неработающих женщин. Город расширяет возможности, в том числе и для женщин, облегчая доступ к образованию, работе, участию в политической жизни, развлечениям и так далее, а потому он продолжает вселять надежду на перемены. Однако преимуществами городской жизни могут воспользоваться далеко не все. В частности, современные тенденции развития городов свидетельствуют о сокращении возможностей для малообеспеченных и принадлежащих к маргинальным группам женщин, в том числе из-за кризиса проектов социального жилья. Таким образом, городское пространство обеспечивает экономический рост для отдельных социальных групп⁷, но может предложить очень немногое для удовлетворения повседневных потребностей всех остальных. Тем не менее женщины способны инициировать перемены, причем не только для себя. В частности, движение «Black Lives Matter», получившее широкую известность в 2020 году, было основано именно женщинами.

Пандемия COVID-19 также продемонстрировала, что города далеко не всегда отвечают потребностям их жителей. Оказалось, что тротуары слишком узки для поддержания социальной дистанции, плотность населения слишком высока, а зеленые зоны

7 LEFEBVRE H. *La production de l'espace*. Paris: Anthropos, 1974; HARVEY D. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London; New York: Verso, 2006.

слишком многолюдны, учитывая их дефицит. Не исключено, что в ближайшее время появятся новые подходы к планированию городского пространства, которые уже сегодня анонсируются как «постпандемийный урбанизм»⁸.

Тема угроз и рисков городской жизни так или иначе поднимается на страницах всей книги, но пятая глава «Город страха» посвящена ей целиком (р. 142–165). Основным источником страха для женщин в городе по-прежнему остаются мужчины. Попытки избежать встречи с неприятными незнакомцами порождает особую «женскую географию»: поскольку женщины не могут все время бояться всех мужчин, в качестве иллюзии контроля над своей безопасностью формируется новая карта реальности, на которой отмечены опасные районы. Страх перед городом и его обитателями усваивается женщинами в раннем детстве, когда они сталкиваются с неприемлемым поведением по отношению к себе, а также с информацией об изнасилованиях и похищениях, повсеместно транслируемой в новостях, телевизионных передачах и газетных заголовках. Эта «социализация страха» воспроизводится из поколения в поколение и становится ограничивающим фактором в жизни женщин.

Издержки подобной ситуации связаны не только с тем, что женщины не могут жить полноценной и независимой жизнью, но и имеют экономическое измерение: там, где такси для мужчины будет приятным моментом, для женщины выбор этого способа передвижения становится единственно возможным с точки зрения безопасности. Эти издержки превращаются в огромное бремя для женщин, жизнь которых отягощена «двойной сменой» оплачиваемой и неоплачиваемой работы, а также «тройной

сменой» борьбы с расизмом, гомофобией, эйджизмом и сексизмом.

Частичным решением проблемы становится преобразование городского пространства: дополнительное освещение, телефоны для экстренной связи, кнопки срочного вызова, продуманные маршруты для передвижения и так далее. В то же время способность камер видеонаблюдения, получающих все большее распространение, уменьшать страх женщин в городе, по мнению автора, весьма сомнительна и не находит подтверждений (р. 153).

В заключительной главе «Город возможностей» (р. 166–176) Керн подводит некоторые итоги и обсуждает участие женщин в жизни города. Возникает вопрос: может ли женщина быть активным гражданином, способным оказать помощь бездомному или потерявшемуся человеку, если постоянно обеспокоена вопросом собственной безопасности? Автор приходит к неутешительным выводам: пока женщины подвергаются насилию в городах, разрывать эту цепь бесконечной социализации страха нельзя.

Необходимо отметить, что примеры, приведенные в книге, характерны прежде всего для западного общества и не учитывают специфики эксклюзии, существующей на глобальном Юге, хотя ее описание могло бы сделать исследование более убедительным и расширило бы его географию. Кроме того, в работе потерялась еще одна тема, которая могла бы расширить перспективу рассмотрения данной проблемы автором, а именно взаимосвязь гендерных вопросов с экологическими проблемами, которые имеют непосредственное отношение к тому, как чувствуют себя женщины в современной городской среде – тем более, что подобные разработки уже есть⁹.

8 MORROW O., PARKER B. *Care, Commoning and Collectivity: From Grand Domestic Revolution to Urban Transformation* // Urban Geography. 2020. Vol. 41. № 4. P. 607–624.

9 ATKINSON L. *Green Moms: The Social Construction of a Green Mothering Identity via Environmental Advertising Appeals* // Consumption Markets & Culture. 2014. Vol. 17. № 6. P. 553–572; KENNEDY E.H., DZIALO L. *Locating*

Тем не менее многие идеи Керн пере-кликаются с тем, о чем другой географ, ставший весьма авторитетным для многих общественных наук, Дэвид Харви писал еще полвека назад¹⁰. Он также указывал на то, что города – это пространство социальной несправедливости, где многие жители не могут получить доступ к необходимым им ресурсам либо этот доступ для них затруднен вследствие отдаленности, высокой стоимости этих ресурсов и так далее. Хотя, конечно, Керн предлагает новую перспективу рассмотрения пространственного неравенства – гендерную.

Несмотря на представленные в книге ориентиры для построения городов будущего, исследовательница не предлагает проекта города, который был бы гендерно

нейтральным и учитывал бы потребности различных социальных групп, – да и вряд ли возможно создание «генерального» плана, в котором есть «бесконечные возможности» (р. 176). Поэтому она лишь призывает к тому, чтобы более внимательно изучить различные проявления пространственного неравенства, зафиксированные в городском пространстве, чтобы создать более инклюзивные города. Тем самым сегодня, как подчеркивает автор, «феминистский город – это постоянный эксперимент, направленный на то, чтобы жить по-другому – лучше и более справедливо – в урбанизированном мире» (р. 176).

Инна Вершинина,
Татьяна Мартыненко

Gender in Environmental Sociology // Sociology Compass. 2015. Vol. 9. № 10. P. 920–929; PARKER B., MORROW O. *Urban Homesteading and Intensive Mothering: (Re)gendering Care and Environmental Responsibility in Boston and Chicago* // Gender, Place & Culture. 2017. Vol. 24. № 2. P. 247–259; RECKIEN D., CREUTZIG F., FERNANDEZ B. ET AL. *Climate Change, Equity and the Sustainable Development Goals: An Urban Perspective* // Environment and Urbanization. 2017. Vol. 29. № 1. P. 159–182.

10 HARVEY D. *Social Justice and the City*. London: Edward Arnold and St Martin's Press, 1973.